

Последнюю четверть века наш сегодняшний собеседник посвящает изучению проблем эволюции природы и человека. Промышленный опыт создания целостных математических моделей биосферы планеты, модели живой природы, не только убедил его: человек обязан смотреть вперед, бы на шаг вперед, прозревать будущее. Он первым из действительных членов Академии наук подал в отставку, ушел в «заочничество», но фактически по-прежнему оставался руководителем научных исследований биосферы в Вычислительном центре Академии наук. И уже не как профессионал-исследователь (на научный Олимп он вошел в качестве специалиста в области общей механики и прикладной математики), а последовательный ученик школы Вернадского, он неожиданно занял в себе и книге «Биосфера и человек», посвященной проблемам общественной эволюции.

Но пора представить собеседника: это известнейший ученый, действительный член Международной академии астронавтики в Париже, один из теоретиков феномена «сердцевой зимы» академик Никита Николаевич МОНСЕКЕВ.

Наша первая встреча началась с его рассказа о том, как понятия «сердцевая зима» и «сердцевая ночь» были введены в оборот общественной мысли цивилизованной Европы.

— В конце шестидесятых годов у меня состоялся беседа с Тимофеевым-Ресовским о возможных последствиях катастрофического воздействия человека на биосферу. Мы обсуждали, как подходить к анализу подобных глобальных проблем. И пришла в голову единственная мысль — построение целостной математической модели биосферы, которая бы в машине имитировала ее функционирование.

На моей инициативе в семидесятых годах в Вычислительном центре Академии наук были созданы два отдела: один занимался атмосферой и океаном, второй — взаимодействием общества и биоты. К концу семидесятых летняя версия такой модели биосферы была уже готова. Был осуществлен первый машинный эксперимент: был дан прогноз параметров атмосферы по данным на 31 декабря 1970 года. Все расчеты провел Владимир Валентинович Александров, он не только поставил модель на машину, но и снял с дисплея кинофильм, показывающий эволюцию климата на уровне земной поверхности. Когда я получил на руки эти расчеты и картины, сразу же полетел в Новосибирск к Гурью Марчуку. В то время он возглавлял Сибирское отделение Академии наук.

Марчук собрал группу специалистов. Проанализировав наши картины, они рекомендовали типичный вариант. Это убедило нас, что модель дает качественно правильное описание динамики атмосферы.

В 1983 году в шведском журнале «Амбю» американский астроном Карл Саган опубликовал несколько сценариев возможной ядерной войны. К этому времени мы были единственной организацией в мире, которая могла дать не только качественную, но и количественную оценку возможных последствий ядерной войны, но и количественно рассчитать результат обмена ядерными ударами мощностью до 100 мегатонн. Опубликованные Саганом сценарии были в тысячу раз мощнее тех сценариев, которые разрабатывались американскими «экспертами» в начале пятидесятых го-

дов. Версия нашей модели была уже представлена в Центре климатических исследований в Боулдере, штат Колорадо.

— Какова же ее судьба?
— Последние крупные работы были проведены мной в Вычислительном центре в 1986—1987 годах. После ликвидации Финансирования отдела развалились. Спиревен, руководитель отдела по изучению биоты, уехал в Германию. Володя Александров, по всей видимости, погиб. Многие молодые программисты ушли в бизнес. Остались три-четыре айтишника, усилиями которых и поддерживается «жизни» модели.

— В престижной психологии есть одно замечательное качество, присутствующее ей генетически, — сохранять поведенческую матрицу. Что бы ни происхо-

дить ставку на высокие технологии, сверхмикропозитивность, сверхчистые энергосберегающие материалы Государства, которые не хотят опираться на периферия истории, должны обязательно иметь либеральную, социально ориентированную экономику с умным государственным регулированием. Но утверждение такой системы требует не только правильного расчета сегодняшнего курса доллара.

— В свое время интеллигенция вдохновенно восприняла и поддержала «перестройку», объявленную Горбачевым чуть ли не революцией. Многие ученые ушли в политику с гонимой. В какой мере настоящая наука зависит от политики?

— Однажды я отказался баллоти-

роваться в депутаты Верховного Совета СССР, потому что убежден: ученый не должен быть политиком. Люди, на мой взгляд, делается на две категории: первые, которые априори считают каждого человека порядочным и умным и потом с грустью убеждаются, что не все было так порядочно и умно. И вторые, которые каждого человека считают априори мерзавцем и дураном и потом с не меньшей грустью узнают, что он не мерзавец и не дурак. Так вот политики должны быть вторыми. Ученые должны быть первыми. Только вера в человека позволяет создавать научные школы, объединять людей. Политик же, вовлекая в свою деятельность человека, должен прежде всего думать: а не обманет ли он меня? На

личном опыте много раз убеждался, как только я принимался и политиком, меня тут же надушили.

— Никита Николаевич, разве Академия наук или Министрерство науки не могут поднять голос в защиту ученых?
— В наше смутное время, когда так очевиден дефицит в светлых головах, на людей, способных увидеть будущее, кто-то должен сказать важное слово. И его могла бы сказать Академия наук. Как во время войны наука — на службу фронту?.. Социализм ушел в прошлое. Что нас ждет впереди? Какие есть варианты развития? Что утопия, а что не утопия? Она есть реальная помощь правительству. Но Академия наук зашла в собственными обустройствами. И прежде всего — сохранением президентства. Президенту она, конечно, сохранит. В этом я не сомневаюсь. Но может распаться академия.

В России до сих пор существуют научные центры, которые могут серьезно конкурировать с Западом. Даже при том тотальном развале, который мы переживаем, Москва, Арзамас-16, Челябинск-70, Красноярск-40, Обнинск... Им нужно специально и отдельно заниматься. Знаете, как произошло последнее оледенение? Как возник над Европой ледяной панцирь? Климат изменился — земля начала охлаждаться. В отдельных местах за зиму накапливался много снега. Эти очаги начали разрастаться, соединяться с другими очагами. Сработала положительная обратная связь. Возник панцирь. По тем же законам климат и пылал науки, высокие технологии, фундаментальные науки, которые нельзя размыкать. Но для этого, конечно, нужна целостная государственная программа поддержки и развития науки...

— В наши годы, когда не только неестественно чужд, наша Россия, но и весь мир пришел в движение, вам не кажется, что в этой неразберихе может возникнуть ядерная опасность?

— На мой взгляд, события развиваются в мире сейчас так непредсказуемо, что никто не может дать гарантии. Человечество впервые паралолю разуму обрело возможность самоуничтожения! И оно может произойти в одиночку, если разразится ядерная война. Но оно может превратиться в и медленный, мучительный процесс деградации: кислотные дожди, уничтожающие рыбу в озерах Скандинавии, загрязнение Лэдеса, Байкала, Великих американских озер, превращение Рейна в сточную канаву... Разве эти факты не предупреждают нас о том, что мы находимся у «сердцевой черты»?.. Почему и всегда говорят: нужна некая харизма, некая обаятельная идея, которая могла бы объединить народ, — только это может спасти и уберечь нас от непредсказуемой трагедии.

Москва,

Михаил СЕМЕНЮК.

Фото Бориса ДОЛГИХ.

У запретной черты

Крупнейший ученый России считает: человечество не застраховано от глобальной катастрофы

дов, — превентивного удара по СССР. Результаты этих расчетов хорошо известны: они показали, что после обмена ударами возникнут пожары, и smoke, эквивалентные в стратосфере, на многие месяцы преградив доступ солнечным лучам; на Земле установится ночь, а вместе с ней и температура зимней Сибири. Но и гораздо более слабые ядерные бомбардировки могут нести катастрофические последствия для всего человечества. Академик Флеров попросил меня рассчитать, что могло бы произойти на планете, если бы американцы откликнулись навести спланированный превентивный удар в начале 50-х годов.

Судьба СССР была бы оведающей: полное разрушение семисот городов. Однако ядерной ночи и ядерной зимы от такого удара не наступило бы — мощности удара было бы для этого недостаточно. Тем не менее результаты все равно были катастрофическими. Так например, в результате выпадения радионуклидных частиц США как индустриальная страна получили бы дозу, равную по величине от 20 до 60 черныбыльских взрывов. А 30 черныбыльских катастроф хватило бы, чтобы превратить США в ад.

— Как в мире прореагировали на ваше открытие?

— Нам принесли в сенате США, в палате Академии в Ватикане. Вана устроила нас своей аудиторией. На родине же этот факт остался почти незамеченным. В Генеральном штабе мне сказали: что же вы, Никита Николаевич, ронте под собой яму...

димо, какой бы ни была неурожай или голод, посевной материал должен быть сохранен. Сегодня я вижу, что ни наше правительство, ни наши многочисленные партии, ни наша интеллигенция об этом посевном материале всерьез не думают. А это означает, что уже следующему поколению грозит катастрофа. Нация может жить, развиваться только в условиях преемственности культуры, науки, преемственности интеллектуальной элиты. Происходящий разрыв в интеллектуальной цепи — разрушается нация.

Своими мыслями Россия сделала серьезное влияние в западную науку и культуру после революции и гражданской войны. Можно до бесконечности перечислять имена ученых, утративших Россию в эти трагические годы: Сикорский, Гамов, Чичибабин, Ипатьев... И все же научная элита оказалась переданной перед второй мировой войной сохранилось поколение ученых, блестящих мыслителей, которым дано было возможность передать эстафету.

Одновременно были созданы условия, которые делали получение этой эстафеты практически невозможным для молодых ученых. Мое поколение сплошь получило то, чем выжили наши учителя. И после войны мы сделали невероятное: не являясь в стране научного потенциала, по уровню научных исследований мы вполне могли конкурировать с американцами, которые собирают у себя ученых со всего мира.

Сегодня нам крайне необходимо де-

риваться в депутаты Верховного Совета СССР, потому что убежден: ученый не должен быть политиком. Люди, на мой взгляд, делается на две категории: первые, которые априори считают каждого человека порядочным и умным и потом с грустью убеждаются, что не все было так порядочно и умно. И вторые, которые каждого человека считают априори мерзавцем и дураном и потом с не меньшей грустью узнают, что он не мерзавец и не дурак. Так вот политики должны быть вторыми. Ученые должны быть первыми. Только вера в человека позволяет создавать научные школы, объединять людей. Политик же, вовлекая в свою деятельность человека, должен прежде всего думать: а не обманет ли он меня? На